

«И СЛОВО СТАЛО БУКВОЙ...»

К вопросу о так называемом «консервативном» прочтении Священного Писания

В дискуссиях между сторонниками так называемого «консервативного» и так называемого «либерального» подходов, ведущихся по вопросам этических, культурных, общественно-политических и религиозных ценностей, в качестве имплицитной или эксплицитной предпосылки выбора той или иной из обозначенных парадигм выступает, как правило, специфический подход к Священному Писанию, его пониманию и применению в повседневной жизни. Анализу основополагающих проблем так называемого «консервативного» подхода я и посвящаю свое выступление.

Недавно в своем интервью на одном из интернет-сайтов один из православных иерархов высказался о протестантизме примерно в таком духе: «Ах, эти протестанты, они абсолютизировали Библию, сделали ее чуть ли не объектом поклонения. Ведь именно принцип «только Писание» был основополагающим принципом Реформации».

Трудно представить себе более искаженного представления об «основополагающих принципах Реформации»!

Однако данный православный иерарх вовсе не виновен в своем заблуждении. Многие из протестантских теологов, действующих здесь, в России, вполне сознательно создают именно такое впечатление о Реформации и о своем вероисповедании. Они сами искренне полагают, что именно абсолютизация Библии, причем в так называемом «буквальном понимании», является отличительной чертой и главным завоеванием протестантизма. Они сами непропорционально выпячивают принцип „sola scriptura“, забывая при этом почти совершенно о трех других знаменитых „sola“, которые по справедливости идут первыми: «только Христос, только милость, только вера»!

Для представителей так называемого «консерватизма» Библия является подлинным Словом и Откровением Божьим в собственном смысле, поэтому каждое слово и каждое высказывание в ней – это безусловная истина, причем во всех смыслах, вплоть до естественнонаучного; и именно буквальное следование Библии делает протестанта истинным протестантом, и даже: христианина подлинным христианином. Иными словами: Библия, причем в буквальном толковании, является главной основой христианской веры.

Такое отношение к Библии грешит презрением христианской свободы (не так ли следовало бы перевести модно-ругательное слово «либерализм?») и герменевтическим невежеством. Но эти темы я сейчас затрагивать не буду, сосредоточившись на куда более существенном, а именно на том, что такой подход, прежде всего, являет в себе и несколько серьезных *догматических* заблуждений и потому вполне заслуживает наименования «ереси».

Замечу сразу: я очень не люблю этого слова, именно потому, что его так часто и так охотно используют оппоненты, чтобы заклеить тем самым всякое отклонение от их собственных убеждений. Если кто-то использует это слово в современной теологии, то это часто знак того, что богословие не понимается им более, как набор различных течений,

как живой процесс дискуссий и размышлений, а превращается в нечто статичное и мертвое, некую железобетонную конструкцию. Однако лексикон так называемых «либералов», к числу которых я, если использовать эту крайне условную терминологию, должен отнести и себя, грешит чрезмерной расплывчатостью и порой неуместной толерантностью к убеждениям, явно не совместимым с евангелическим вероисповеданием. Кроме того, нужно упомянуть и частое возникновение непонимания между «либералами» и «консерваторами» - именно в силу того, что мы говорим, фактически, на разных языках. Поэтому я попробую высказаться на языке понятном «консерваторам». И, используя их же язык, я вынужден назвать их убеждения ересью, более того: одной из опаснейших ересей современности.

Это громкое, непривычно громкое (особенно из уст «либерала») заявление, однако, я считаю себя призванным встать на защиту «чистоты вероучения» (еще одно выражение, которое я по разным причинам не люблю, но вынужден здесь применить), на защиту «здоровой христианской теологии».

Для этого, прежде всего, нужно указать на те основные догматические ошибки, что так называемые «консерваторы» совершают в своем подходе к Библии. Таких ошибок две.

Первое – эта та подмена, которая происходит в христианском учении об Откровении. Откровение не является информацией. Об Откровении, как о некоей информации думают люди эпохи рационализма и информатики, причем поверхностно образованные представители этой эпохи. Откровение – это действие, это спасительное действие Бога. То, что откровение открывает нам – это не какие-либо сведения или предписания, а Сам Бог, Бог в Его спасающей силе. Откровение открывает нам не знания о Боге или мире, а милость Бога. Повторю: не знание о том, что Бог милостив, а саму Его милость. Откровение – это не знание о том, что Бог есть любовь, а само прикосновение и изливание этой любви.

При этом христианская теология исходит из того, что Бог открывается нам в Иисусе Христе. Именно Он, Иисус Христос, является спасительным откровением Бога, Словом Божьим. В прологе Евангелия от Иоанна он так и назван: «Слово», «Логос» Божий. Заметим уже сейчас: Словом Божьим, Божественным Логосом является этот Человек Иисус Христос, а вовсе не Писание. Бог открывается в Иисусе Христе – именно поэтому Христос и является объектом нашей веры, мы веруем в Него, поскольку в Его лице мы встречаемся с Самим Богом, поскольку Бог касается нас в Его личности, прощает, оправдывает и спасает нас.

Нигде, ни в одном Символе веры, на которые так любят к месту и не к месту ссылаться «консерваторы», мы не найдем слов: «Верую в Библию». Библия, Писание не является объектом нашей веры. Мы в Библию *не*верим! Кого-то сейчас может покоробить от этого утверждения, но именно оно является «здоровым христианским вероучением»: мы верим в Троицу, во Христа, но не в Библию. Утверждать иное, значит не только противоречить всей христианской вероисповедной традиции, но и ставить Библию на один уровень с Богом, утверждать спасительность Библии, а не Христа. Задайтесь вопросом: Кто или что спасет нас – Библия или Христос? Я думаю, ответить на этот вопрос иначе, как выбрав второй вариант, будет затруднительно даже самым заядлым библицистам. Поэтому в основе и в центре христианской жизни должен стоять Христос, а не Библия. Вера во Христа, а не вера в Библию делает христианина христианином (само это слово «христианин» указывает на это).

Вспомним о первых поколениях христиан, которые еще не имели Писания в том виде, в каком его знаем мы. Были ли они из-за этого христианами худшими, чем мы? Согласно лютеранскому вероучению, наиболее естественной формой проповеди Евангелия является устное Евангелие. Устная форма является не только первой, но и самой естественной формой для провозглашения Евангелия. В отличие от закона, который выбит по библейскому преданию на каменных скрижалях. Устная форма подразумевает живой человеческий голос, живую встречу человеческих личностей, встречу в конкретной ситуации, живое свидетельство. Поэтому именно такая форма является наиболее верной. Поэтому и необходима в христианской церкви проповедь.

Письменная фиксация христианского провозвестия в Новом Завете по выражению известного исследователя жизни и творчества Лютера Хейко Обермана являлась «неизбежным злом». Неизбежным потому, что живые свидетели уходят из жизни, слабеют их воспоминания, все больше возникает заблуждений и искажений, которым нужно противопоставить нечто твердое. Чтобы избежать всех этих опасностей, необходим некий набор письменных свидетельств, которые служили бы меркой и масштабом всякого дальнейшего устного провозвестия. Слово «канон», как известно и означает «измерительный шнур». Таким образом, в христианской церкви постепенно формируется канон библейских писаний. Более или менее окончательно он складывается лишь к 4-му веку. Задача канона: при всех возможных и необходимых изменениях сохранить идентичность христианской веры, положить в ее основу насколько это возможно неискаженное свидетельство об откровении и, тем самым, задать необходимый ориентир христианского провозвестия. «Злом» же потому, что тем самым и возникает опасность восприятия уже не Христа и живого свидетельства о Нем, как Откровения Божьего, а именно этого набора зафиксированных текстов, превращения Библии по меткому выражению Томаса Мюнцера в «бумажного папу».

Библия – это, таким образом, помощь для нас в том, чтобы наша вера во Христа сохраняла свою идентичность сквозь века и тысячелетия. Именно поэтому и необходима эта, так сказать, «библейская привязка» к вере первых христиан, даже если эта привязка является порой лишь формальной.

Библия необходима нам, как основа и масштаб живой проповеди Слова Божьего. В этом смысле она исполняет служебную функцию. Не проповедь для Библии, а Библия для проповеди.

Так же называемые консерваторы все переворачивают с ног на голову. Согласно их логике получается так: Бог в своей милости дал нам Библию, как Свое Откровение. В ней содержится все, что нам необходимо знать. Помимо всего прочего в ней упоминается и о Христе. Поэтому мы должны верить во Христа. Мы должны верить во Христа потому, что о Нем говорит такая святая книга, как Библия. Христос становится всего лишь персонажем, пусть даже главным персонажем, Библии. Получается следующее: такие проповедники проповедают не Христа больше, а именно «Слово Божие», под которым они понимают Библию. Это звучит примерно так: «Если у вас духовные проблемы, то откройте эту чудесную Книгу! В ней вы найдете помощь и утешение, ответы на все вопросы. Читая ее, вы обретете спасение!». Вопреки тому предположению, что я высказал вначале, получается, что подспудно спасительной у таких проповедников признается все-таки Библия, а не Христос! И это, к сожалению, очень распространенная и абсолютно ложная практика. Согласно ей Библия становится первичной по отношению ко Христу. Библия, а не Христос становится Откровением Божьим. Мы должны, прежде всего, верить в Библию и уж затем, постольку поскольку, во Христа.

На самом деле все обстоит совершенно иначе. Мы веруем во Христа. Узнаем мы о Нем, или, оставаясь добрыми лютеранами, лучше сказать: соприкасаемся с Ним в живой проповеди: устной или письменной. Нормой же этой проповеди, тем стандартом по которым эта проповедь должна совершаться, тем масштабом, с которым она должна сегодня сверяться, является текст Библии.

Мы веруем во Христа. И здесь следует сказать очень жесткую, но необходимую вещь: мы остались бы христианами, наша вера осталась бы христианской, даже, если бы у нас не было Библии, а только устная проповедь, - при условии, конечно, что эта проповедь сохранила бы свою изначальную идентичность. Смогла бы она это, вопрос исключительно гадательный. Но исключить такое нельзя. Христианином можно быть и без Библии.

В то же время приверженность Библии и почитание ее откровением Божьим отнюдь не гарантирует сохранения христианской веры. Вспомним, например, о Свидетелях Иеговы. Они как раз твердо выступают за буквальное толкование Библии и – совершенно справедливо – указывают, что отнюдь не Христос и не прощение грехов и не оправдание являются наиболее объемными ее темами.

Итак, учение о том, что Библия является объектом нашей веры, Откровением Божьим, Словом Божьим по преимуществу и в собственном смысле, что нам необходимо верить в Библию, является ересью, поскольку затемняет и искажает веру единственно во Христа, как нашего Спасителя и единственное подлинное, спасающее откровение Бога. Христианство превращается тем самым в нечто подобное исламу, где именно книга является откровением Божьим. Понятно, почему такое заблуждение очень привлекательно для современного человека, живущего в эпоху информации.

Но мы, как христиане, веруем во Христа, а не в Библию. С этим соглашаются серьезные теологи всех традиционных христианских конфессий. Считающих иначе – меньшинство. Это, кстати, тоже необходимо постоянно себе напоминать, поскольку у нас, в России и в сопредельных государствах именно это меньшинство является особенно активным и задает тон в богословии и благочестии. Отсюда может создаться и у многих создается ложное представление о доминантах в христианской теологии.

То, что Лютер столь настойчиво подчеркивал роль Библии в жизни христианина – было следствием его борьбы с авторитетом, который приписывала себе Церковь. Библия была для Лютера той инстанцией, что неподконтрольна Церкви, что изъята из-под ее власти. И эта инстанция куда четче свидетельствовала о Христе, чем все церковное предание. Отсюда и принцип «только Писание». Только Писание, как изъятое из-под власти Церкви древнейшее свидетельство о Христе, а не церковные установления и не власть Церкви. Принцип «только Писание» - это критический принцип, принцип, направленный против традиционализма и против превозношения церковного авторитета. Делать из него что-то иное будет отходом от основ Реформации. Сам Лютер говорил: «Если наши противники аргументируют Писанием против Христа, то мы должны аргументировать Христом против Писания».

И при помощи этой цитаты мы переходим к рассмотрению *второго*, связанного с первым, догматического заблуждения так называемого «консерватизма». Если первое заблуждение было так сказать экуменическим, заблуждением на уровне общецерковного вероисповедного консенсуса, то второе заблуждение является, прежде всего,

конфессиональным и представляет собой непонимание или сознательное искажение важнейшего принципа Реформации.

Это заблуждение состоит в, так сказать, «выравнивании» Библии. Писание предстает чем-то, каждая часть, каждое высказывание и каждая тема которого, равноценны. И это значительное прегрешение против основополагающего принципа Реформации, говорящего о том, что Христос является центром Писания.

Библия сформировалась как канон, собранный из самых разных книг. И, тем не менее, это **один** канон. Это значит, что все эти книги объединяет нечто, что нечто проходит через все красной нитью. Однако само их разнообразие показывает, что это единое нечто можно по-разному понимать или истолковывать. Что же это нечто для нас? Здесь не может быть разных ответов. Это нечто – само Откровение, совершившееся в Иисусе Христе. Это сам Иисус Христос. Он является центром Писания. Если наша вера – это вера во Христа, если Христос и только Христос является для нас спасительным откровением Бога, то и Писание является ценным для нас постольку, поскольку оно свидетельствует о Христе. Писание ценно для нашей веры не само по себе, а в силу того, что оно свидетельствует о Христе. Это является его главной функцией: нормативное свидетельство о Христе. Христос – это главное и единственное по-настоящему ценное для нас, что содержится в Писании. Писание это не набор разных вечных истин, а свидетельство об этой одной, одной-единственной истине.

Христос и дарованные в Нем прощение и оправдание являются той перспективой, исходя из которой, мы можем и должны Писание истолковывать. Исключить из Библии этот центр, исключить из нее такую перспективу, значило бы поставить в ней все на один уровень и, более того (здесь следует вернуться к сказанному ранее): это значило бы придать Писанию самостоятельную ценность, сделать Библию высшей инстанцией в христианской вере, а потому и самостоятельным откровением, существующим наряду с откровением Иисуса Христа, или даже, вообще, единственным откровением. Тогда бы мы верили не в Иисуса Христа больше, а в Библию. Она была бы спасительной, а не крест Христов. Ввиду этой опасности мы можем и должны сказать: Библия – это книга, свидетельствующая о Христе, в этом ее цель и смысл. Поэтому понимать и истолковывать ее можно и нужно только, исходя из этого ее смысла и цели. Любое другое истолкование будет намеренным искажением смысла и цели Писания.

Но здесь подразумевается и следующее: если у Писания есть центр, то должна быть и периферия. К периферии следует отнести все, что не возвещает напрямую Христа, что является, может быть, мудрым, полезным, традиционным, прекрасным, но не свидетельствует о Христе напрямую или же вообще не свидетельствует о Нем. Это могут быть, например, конкретные указания по церковному устройству или по этике семейной жизни, ритуальные предписания и так далее.

При этом речь не идет ни в коем случае о некоем «каноне в каноне». Именно Писание **в целом** несет нам весть о Христе. Несколько грубоватый пример. Стул предназначен для того, чтобы на нем сидеть. Все его детали служат этой цели. В том числе, скажем, и гвозди, что скрепляют разные элементы стула между собой. Но это не значит, что каждая деталь **в отдельности** предназначена для того же, что и стул в целом. Сидеть на выдернутом из него гвозде будет крайне неприятно!

В этом – и ни в каком ином – смысле следует понимать и знаменитый принцип Лютера о том, что Писание само истолковывает себя. Этот принцип подразумевает, что Писание имеет для нас, в сущности, одну-единственную тему, что Писание снова и снова отсылает

нас ко Христу. Поэтому если мы хотим, чтобы наша аргументация была библейской, то нам нужно аргументировать, исходя именно из вести о Христе, а не из единичных, отдельно взятых высказываний Библии. Здесь в качестве парадигмы снова следует вспомнить недавно приведенные слова Лютера: «Если наши противники аргументируют Писанием против Христа, то мы должны аргументировать Христом против Писания».

С Писанием необходимо постоянно соизмерять учение и практику церкви и всей жизни христианина. Однако это означает не постоянное подыскивание разрозненных фрагментов и их сверку с реалиями жизни. Это означает, что жизнь и учение необходимо соизмерять с той центральной истиной, которая открыта нам в Писании, с истиной прощения и оправдания во Христе. Принцип «Писание само истолковывает себя» не значит, что мы подобно Свидетелям Иеговы должны вооружиться Симфонией и искать места, где встречаются одинаковые слова и выражения, чтобы затем одно место объяснить из другого. Это значит, что мы должны понимать и истолковывать отдельные места Писания, исходя из его центра, то есть вести о прощении и оправдании, дарованных нам во Христе, а не исходя из каких-то иных привнесенных нами критериев, сколь бы религиозно или этически возвышенными и правильными они ни были. Если мы истолковываем Писание, исходя из его центра, то нам, может быть, иной раз придется (в этом надо отдавать себе отчет) и вступать в дискуссию с теми или иными отдельными периферийными его местами, по выражению Лютера «аргументировать Христом против Писания».

Все высказывания Библии должны поверяться, исходя из ее центра. Лютер был тем, кто особенно показательно практиковал это. Нам известны его критические отзывы о некоторых библейских книгах, точно также он расставил различные новозаветные писания в несколько ином порядке, чем это было принято до него и чем это принято в других церквях до сих пор. Это и есть осуществление принципа: Писание само истолковывает себя.

Поэтому является еретичным решать тот или иной этический или церковно-правовой вопрос исключительно, ссылаясь напрямую и непосредственно на то или иное место Писания. Тем самым Писание превращается в набор разрозненных церковно-правовых или этических откровений, а не в единое свидетельство о едином откровении Христовом. Необходимо сначала показать, что это то или иное, кажущееся подходящим, место соответствует центру Писания, то есть евангельской вести, и **как** оно этой вести соответствует, а затем найти по аналогии такое же соответствие, но уже в нашей конкретной ситуации.

Таким образом, так называемое «консервативное» прочтение и применение Библии, если использовать традиционалистский язык, иначе как еретическим назвать нельзя. Оно затемняет собой весть о Христе, оно ставит Библию на место, которое должен занимать только Христос и потому является чрезвычайно опасным и даже губительным для подлинно христианской веры. Живая встреча с незримо присутствующим и действующим Христом заменяется изучением некоего набора информации.

Некоторым оправданием такому подходу могло бы служить объяснение, что его представители поступают так из особой, чрезмерной любви к Библии. А любовь, как известно, «покрывает множество грехов». Возможно именно такая «расточительная» и не знающая меры в своем энтузиазме любовь к Библии лежала у исторических корней такого «консервативного» подхода. Однако сейчас именно любви к Библии у представителей такого направления как раз и не хватает. Из страстного свидетельства о захватывающем

откровении Божьем, они превращают Библию в набор догматических и научных положений, в нечто вроде учебника статичных и потому мертвых истин. Они не могут и не хотят оценить всю поэтическую красоту образного и символического языка Библии, всю глубину ее мифологического языка. Библия в их толковании превращается в сухой набор рациональных и плоских истин, причем старательно подогнанных под то или иное вероучение.

Таким образом, какие бы мотивы и стремления ни лежали в истоках такого «консервативного» отношения к Библии, сегодня оно представляет собой вполне современную по своему духу ересь. И, несомненно, такой подход к Библии является особенно популярным сегодня в силу господствующего в обществе течения постмодерна. И здесь мы касаемся напрямую темы нашего «Круглого стола». Пытаясь противодействовать культуре постмодерна, ощущая отсутствие прочных ценностей, люди – вполне в духе постмодерна - пытаются сами найти их себе. Для этого они выбирают некий понятный им авторитет. То есть некий авторитет в мире информации. Среди множества других подобных таким авторитетом для некоторых становится Библия. И потому понятная сегодня потребность во внешнем авторитете и приводит многих к такому «библиоверию». Христианство становится религией книги, а не религией живой личности Иисуса Христа. Вера становится принятием на веру некоторых истин, а не дерзновенным, страстным и неотрывным взглядом на Спасителя. Религия книги – это более понятная для современного человека, воспитанного на тексте и текстах, религия, чем религия живой личности или тем более религия Креста. Информация – высшая ценность современной эпохи и понятно, что и откровение многие воспринимают, как набор информации. Божественный Логос становится в восприятии таких христиан не плотью, как это было для евангелиста Иоанна, а буквой.

Итак, следует еще раз повторить, что в лице такого «консервативного» подхода к Библии мы сталкиваемся с опасным заблуждением, искажающим самые основы как христианской веры, вообще, так и евангелическо-лютеранского вероисповедания. Это заблуждение основано сегодня на, во-первых, современном почитании текста и информации, а, во-вторых, на рационализме, берущем свои истоки еще в эпохе Просвещения. Я вспоминаю недавнюю «христианскую» передачу по телевидению, когда ведущий на основе стиха «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает, что посеет человек, то и пожнет» долго излагал основы успешного ведения бизнеса. Чем такая проповедь отличается от печально знаменитых проповедей эпохи Просвещения, когда на основании рождественской истории проповедники преподносили слушателям основы животноводства? И чем такая проповедь в свою очередь отличается от попыток на основе первых глав книги Бытия представить естественнонаучную картину возникновения мира и человека, популярная в среде «консерваторов»? Во всех трех случаях речь идет о вопиющем отклонении от Реформаторского принципа, согласно которому Христос является центром Писания.

Печальным и даже трагичным является то, что именно представители этого так называемого «консерватизма» используют столь громкую риторику, выдавая себя за защитников чистого и здорового христианского учения и обвиняя своих оппонентов в ереси. И неудивительно, что эта риторика производит желаемое действие на неискушенных слушателей. Ведь в силу особенностей современного восприятия «чистота», например, ассоциируется с полнотой или эмпирической достоверностью определенной информации, а «здоровость» воспринимается как прямое соответствие

определенному тексту. С такими толкованиями нельзя согласиться. Истина не в тексте. Истина порождает текст. Такой должна быть подлинно христианская позиция. Именно поэтому это мое выступление – попытка бороться с такими «консервативными» ораторами их же оружием. Иногда нам, так называемым «либералам», стоит оставить в стороне излишнюю политкорректность и вежливую толерантность и назвать вещи своими именами.

Но теперь следует обозначить, хотя бы в двух словах, каким должен быть верный подход к Писанию. Во-первых, Писание может быть прямой проповедью Евангелия. Его слова, его тексты могут звучать для нас в этом смысле, как живое Слово Божие, как живое провозвестие прощения грехов. Во-вторых, Писание может и должно быть ориентиром, масштабом и основой для нашей живой, свободной, устной проповеди Евангелия, обеспечивая преемственность и идентичность этой проповеди.

Но особо (и это, в-третьих) стоит сказать об использовании Писания в решении разнообразных проблем современного мира. Здесь нашим подходом должен быть подход, основанный не на букве отдельных мест Писания, а на нашей вере во Христа, более того: на самой реальности, прощения, оправдания и любви Божьей, открытой нам во Христе. Еще раз: не на разговорах или размышлениях об этой реальности, а на ней самой!

Первые христиане когда-то были поражены, восхищены, до глубины души затронуты таким откровением и, исходя из этого своего изумления и затронутости, они и писали те сочинения, что сейчас стали Новым Заветом и вели тот или иной образ жизни, о котором эти писания рассказывают. Мы с вами приглашены к тому же. Мы можем и должны восхищаться Христом, изумляться Христу, быть захваченными Христом, - а не Библией. Иначе нам придется восхищаться тем, изумляться тому, доверяться тому и быть захваченными как раз тем, чего первые христиане не имели. И, исходя из этих своих (своих, а не скопированных) подлинных и искренних восхищения и изумления, мы и должны строить свою христианскую жизнь.

При этом мы можем и должны с глубочайшим уважением ориентироваться на решения, принятые первыми поколениями христиан и зафиксированные в Библии, но именно ориентироваться, а не пытаться слепо копировать их в изменившихся условиях.

Есть только одна подлинно христианская ценность, только одна – это Христос. Как добрые лютеране мы можем добавить: Христос, принесший нам прощение грехов и оправдание перед Богом. Все остальные ценности (традиционные или современные) нам необходимо снова и снова соотносить с этой единственной истинной ценностью, проверять их ею. Причем этот процесс не может прекращаться никогда. Ведь мы не *обладаем* истиной, не обладаем *Евангелием*, а *живем* им, а жизнь – это динамичный процесс.